

— Ты что творишь! — в ярости рявкнул Чжоу Жун. — Янь Хао!

Сы Сяонань сидел на Чжоу Жуне, обладая нечеловеческой силой. Он с силой вырвал тьюбик с антителим у себя из шеи, зубами сорвал трехсекционный колпачок и уже занес иглу, намереваясь вонзить ее в шею Чжоу Жуна.

В этот момент его рука внезапно опустела — Янь Хао, спотыкаясь, бросился вперед и вырвал антителим из его хватки.

— Верни, — дрожащим голосом произнес Сы Сяонань. — Отдай мне!

Глаза Янь Хао наполнились слезами, он отступал назад, качая головой:

— Прости, прости меня, Сы Сяонань, прости...

— Заткнись! — Сы Сяонань издал пронзительный, срывающийся на визг крик. Казалось, он на мгновение исчез, чтобы в ту же секунду возникнуть прямо перед Янь Хао. Раздался глухой удар, и того с силой швырнуло навзничь об пол!

— Отпусти! — Сы Сяонань одной рукой намертво вцепился в горло Янь Хао, а другой пытался отобрать тьюбик. Он походил на загнанного в угол, обезумевшего игрока. — Я сказал — отпусти!

Янь Хао намертво сжимал тест-тьюбик. Чжоу Жун бросился вперед, пытаясь разжать пальцы Сы Сяонаня, и, заломив тому локоть, потянул назад, но даже вдвоем они не могли его удержать.

— Это я нашел антителим! Это я взял два тьюбика, чтобы ввести их тебе и Чжан Инцзе! Кто спас твою жизнь?! Кто, черт возьми, спас тебе жизнь?! — Сы Сяонань, сидевший верхом на Янь Хао, истошно орал, пока Чжоу Жун изо всех сил держал его за запястья. — С какой стати тебе можно было колоть антителим, а другим нет?!

Янь Хао задыхался под напором его пальцев, сипло выдавливая:

— Мы изначально... не должны были его использовать... последних двух доз могло не хватить для исследований, если вдруг Чуньцао...

— Не должны были, но использовали! Раз не должны были, чего сам не сдох?! — Сы Сяонань в ярости перебил его. — Иди и расплатись своей жизнью за ту дозу, что вколол себе! Иди!

Горячие слезы наконец покатались по щекам Янь Хао.

— Сы Сяонань, послушай меня... антителим правда нельзя отдавать тебе, — всхлипнул он. — Я отдам тебе свою жизнь, хочешь? Забирай ее! Прости, с антителим правда никак нельзя, прости...

Шум ветра, смешанный со стонами, проносился над крышей, а из глубины темного пустого здания доносился топот и рык толпы зомби.

Чжоу Жун намертво заломил запястья Сы Сяонаня за спиной. Тот вскинул подбородок и, глядя на Янь Хао сверху вниз, спустя долгое время по слогам спросил:

— Сколько стоит твоя жизнь?

Сквозь тучи пробился бледный лунный свет, освещая мертвенно-бледное лицо Янь Хао.

— Сы Сяонань, успокойся, послушай меня. — Чжоу Жун прижался губами к уху парня, его голос звучал напряженно. Он изо всех сил оттягивал его назад, пытаясь успокоить:

— Это была моя идея, Янь Хао тут ни при чем. Брат Жун точно не заразится, а, послушай, слушайся, Сы Сяонань... Сы Сяонань!

Голос Чжоу Жуна внезапно дрогнул. Он почувствовал, как спереди обрушилась мощь — Сы Сяонань вырвал руки! В мгновение ока он вывернулся из захвата и с невероятной грацией нанес стремительный подсекающий удар, отбросив Чжоу Жуна прочь.

Движения были слишком быстрыми. Чжоу Жун тут же вскочил, но под агрессивным напором Сы Сяонаня вынужден был только отступать. Янь Хао воспользовался моментом, чтобы подняться, но не успел отойти и на два шага, как Сы Сяонань схватил Чжоу Жуна за руку и, словно вихрь, перебросил его через плечо на землю.

В мгновение ока он оказался перед Янь Хао, наступил ему на грудь и, оттолкнувшись, взмыл вверх. Янь Хао успел лишь почувствовать порыв ветра. Даже бывалый спецназовец не успел среагировать, как мощный и резкий удар ногой с разворота пришелся ему прямо в висок. Янь Хао отлетел в сторону, брызнув кровью.

Все произошло слишком быстро. Сы Сяонань никогда прежде не нападал на спецназовцев по-настоящему, но сейчас он походил на дикого леопарда, который больше не мог сдерживать свою хищную натуру, и разделался с ними меньше чем за пять секунд.

Нин Юй едва успел распахнуть дверь вертолета и сквозь завывание ветра крикнул:

— Подождите...

Янь Хао почувствовал тяжесть в пояснице. В состоянии сильного головокружения он осознал, что колено Сы Сяонаня прижало его к твердому бетонному полу, а пальцы, которыми он судорожно сжимал тубик с антителом, начали один за другим разгибать.

— Сы Сяонань, Сы Сяонань, не надо... — простонал Янь Хао. — Сы Сяонань...

Сы Сяонань не слушал, его дыхание было хриплым, с привкусом крови. Когда он уже почти разогнул последний палец Янь Хао, горло его внезапно сжалось.

Чжоу Жун, пошатываясь, подобрался со спины. Локтем он намертво перехватил шею Сы Сяонаня и, вложив в это всю силу, оттащил его от Янь Хао на несколько метров, крепко прижимая к себе.

— Посмотри на меня, Сы Сяонань, посмотри. — Чжоу Жун загнал его в угол и навалился сверху всем телом, пресекая любую попытку к сопротивлению. Он насильно приподнял его подбородок, заставляя встретиться взглядом:

— Я твой брат Жун, видишь? Как у тебя рука поднялась на брата Жуна? А?

Короткие волосы Сы Сяонаня пропитались потом, черные брови в гневе сдвинулись к переносице, на их фоне лицо казалось пугающе белым. Чжоу Жун дрожащими руками обхватил его голову, не давая вырваться, и вынуждал смотреть прямо в глаза:

— Все прошло, не плачь, все хорошо... Послушайся, Сы Сяонань, если ты дашь брату Жуну вколоть эту сыворотку, а антитело после этого закончится — как быть? Как я смогу жить

дальше, если посмотрю себе в глаза?!

Сы Сяонань по слогам произнес:

— Вы же договорились, вы...

Чжоу Жун ответил:

— Да, это была моя идея, Янь Хао ни при чем. Успокойся и выслушай... Сы Сяонань!

Чжоу Жун изо всех сил прижал начавшего снова вырываться парня:

— Слушай меня! Шанс выжить после этого антитела — один из десяти. Ты хочешь поставить надежду всего человечества на этот призрачный шанс? А? А если проиграем, что тогда?!

Сы Сяонань понемногу разжал пальцы на воротнике Чжоу Жуна. Его ладонь уже насквозь пропиталась вытекающей черной кровью.

Эта кровь была ледяной, но жгла пальцы нестерпимой болью.

— А если... если мы выиграем? — дрожащим голосом спросил Чжоу Жун. — Как мне после этого жить? Как смотреть в зеркало? Тебе было бы проще убить меня, правда же?

Нин Юй, широко шагая, подбежал ближе. Полы его белого халата неистово развевались на ветру. Он опустился на колени и открыл аптечку.

Сы Сяонань бессильно прислонился к стене, запустив пальцы в волосы. Зараженная черная кровь мазками легла на его лицо, но Чжоу Жун поднял руку и принялся настойчиво ее стирать.

— Умоляю тебя, Сы Сяонань, слышишь? — Чжоу Жун отвел его руки от лица и, подтянув подол собственной футболки, начал вытирать кровь с его ладони, хрипло повторяя одно и то же:

— Ты должен жить, умоляю, живи. Ты еще такой молодой, ты еще не встретил никого лучше брата Жуна, в будущем ты найдешь того, кто действительно будет рядом всю жизнь...

Погрустим немного, совсем чуть-чуть, а потом забудем, ладно? Брат Жун всегда будет тебя любить.

«Всегда будет тебя любить», — бормотал Чжоу Жун, повторяя эти слова. По его жестким щекам текли теплые слезы, и он сам не понимал, что плачет.

На самом деле это было раскаяние.

Сможет ли Сы Сяонань немного погрустить и забыть?

Нет.

Он понимал: если бы он не поставил на Сы Сяонаня метку, если бы тот оставался свободным Омегой, он, возможно, и правда погоревал бы какое-то время — месяц, год или два. В конце концов, печаль увядает с течением времени, подобно тому как тени отступают перед восходящим солнцем.

Но после метки все изменилось. Психологическая и физиологическая связь, возникшая между ними, не могла быть разорвана просто смертью одного из них. Он мог уйти из жизни, но Сы Сяонань остался бы бродить в бесконечном, ледяном одиночестве. Даже если при помощи

операции стереть влияние феромонов, глубокий отпечаток в душе не исчез бы никогда.

Это осознание было еще более жестоким и вызывало у Чжоу Жуна больше страха и сожаления, чем сама смерть.

Его сердце, легкие, все внутренности будто пронзили острым клинком, и этот нож ворочался в самой слабой, нежной плоти, превращая все внутри в кровавое месиво.

Сы Сяонань был ни в чем не виноват.

Он был лишь ведомым им, наивным созданием, которое само зашло в смертельную ловушку и отдало свою бесценную, желанную всеми любовь тому, кто совершенно ее не заслуживал.

Чжоу Жун никогда еще не ощущал свою эгоистичность и низость так остро. Если бы время можно было повернуть вспять, он бы вернулся в тот новогодний вечер, когда горы занесло снегом, схватил бы за горло самого себя — того, кто всеми силами подталкивал Сы Сяонаня к течке, — вышвырнул бы наружу и дал сгинуть в снегах.

Но теперь было слишком поздно.

Каждый вдох Чжоу Жуна был тяжелым и обжигающе горячим. Он крепко прижал голову Сы Сяонаня к своей груди, а другой рукой стал настойчиво показывать Янь Хао, чтобы тот уходил первым.

<http://bllate.org/book/18107/1739025>